

Віардо. И. М. Гревсъ прекрасно увидѣлъ это и съ необыкновенной чуткостью простѣдилъ всѣ перипетіи тургеневской трагедіи. Но иногда онъ какъ будто опасался заглянуть слишкомъ вълубь и увидѣть всю истину. И это сразу отразилось на его методологическихъ пріемахъ въ соответствующихъ мѣстахъ. Онъ безоговорочно, руководствуясь своимъ основнымъ критеріемъ, отвергъ догадку Полонскаго о томъ, что Віардо «гипнотизировала» Тургенева. Равнымъ образомъ, онъ рѣшительно отбрасываетъ разсказъ нѣкоего С. У. объ отношеніяхъ между Тургеневымъ и Віардо. Авторъ разсказа сообщаетъ со словъ того-же Полонскаго, что Тургеневъ считалъ Полину Віардо «колдуньей» и что однажды онъ сказалъ о ней Полонскому: «это — леди Макбетъ». И. М. Гревсъ дѣлаетъ правдоподобную догадку, что эти слова сказаны были Тургеневымъ въ его предсмертной болѣзни, въ бредовомъ состояніи, въ которомъ онъ находился подъ постояннымъ вліяніемъ морфія. Но въ бреду люди нерѣдко выдаютъ то, что у нихъ дремлетъ на днѣ души. Оба свидѣтельства, отвергаемая авторомъ, какъ кажется взаимно дополняютъ и подтверждаютъ другъ друга. Было несомнѣнно нѣчто огъ «колдовства», отъ «гипноза» въ тѣхъ чарахъ, которыми Віардо привязала къ себѣ Тургенева. И въ тѣхъ документахъ, на которые опирается И. М. Гревсъ (письма Тургенева) разсѣяно немало данныхъ, свидѣтельствующихъ, что любовь его къ Віардо была порабощеніемъ, пусть и добровольнымъ и желаннымъ, и что моральная невозможность разстаться съ Віардо и вернуться на родину тяжело переживалась имъ. Но именно этого, этой скованности воли у Тургенева, не хочетъ признать авторъ. Онъ считаетъ такое допущеніе оскорбительнымъ для Тургенева. Не думаю, чгобы въ этомъ онъ былъ правъ. Какая-то слабость духа была присуща Тургеневу. Она сквозитъ во всемъ его творчествѣ. И не это-ли было той его чертою, въ силу которой существовало непреодолимое отталкиваніе между нимъ и дѣйствительно сильными людьми — Толстымъ, Достоевскимъ, Некрасовымъ? Слабость, пассивность, обреченность Тургенева, какъ-то связанная съ его большою добротой (которая великолѣпно освѣщена у автора), составляетъ своеобразную прелесть его произведеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ причину ихъ недостатковъ. Это — его существеннѣйшая черта. И признать ее — не значить проявить невѣжаніе и неблагодарность.

П. Бицилли

Къ молодой Россіи. Сборникъ младороссовъ. 1928 г.

Мнѣ уже приходилось на страницахъ «Современныхъ Записокъ» указывать на ту роль, которую въ срывѣ русской революціи сыграло отсутствіе въ русскихъ людяхъ настоящего консерватизма: рыцарской преданности своимъ завѣтамъ. Не мнѣ потому упрекать младороссовъ въ томъ, что ихъ подчеркивая пореволюціонность тантъ въ себѣ очень многое отъ старой дореволюціонности, что, ставъ «лѣвыми» въ своемъ лагерѣ, они все же остались «правыми». Все это въ порядкѣ вещей. Истинность младоросскихъ страстей и построений заключает-

ся для меня не в том, что они знаменуют полъвѣние монархическихъ круговъ, а в томъ, что они означаютъ ихъ внутреннее оживленіе. Наличие же жизни въ «Сборникѣ младороссовъ» для меня такъ же очевидно, какъ очевидно и полная культурная, социальная и политическая нежизненность этого чувства жизни. Не думаю, чтобы понятіе нежизненного чувства жизни было бы парадоксомъ, который требовалъ бы тщательнаго объясненія. Бываетъ, что и «мертвому дано рождать бушующее жизнью слово» (Блокъ). Бываетъ и наоборотъ: живые оказываются приговоренными къ тому, чтобы произносить мертвые слова.

О томъ, что въ младороссовости отъ духа подлинной жизни и что въ ней нежизненно — спорить не приходится. Жива, хотя кое въ чемъ и порочна, младоросская психологія; мертва — идеологія. Неоспоримо вѣрно ставшее нынѣ, правда, почти общимъ мѣстомъ, но еще недавно запрещенное въ эмиграціи къ обращенію, младоросское убѣжденіе, что тема большевицкой революціи большая религіозно - національная тема, что большевики не только узурпаторы народной воли, но и ставленники народной стихіи, что дѣлать русскія событія 1917-1928 г. на демократическую революцію и большевицкую контръ - революцію и психологически и социологически невѣрно. Правильно улавливается младороссами и то обстоятельство, что интернационалистическая революція уже перерождается въ национальную, почему живымъ национально - консервативнымъ силамъ сейчасъ и не по пути съ реакціей. Эта пореволюціонность особенно цѣнна въ настроеніяхъ младороссовъ. Въ этомъ пунктѣ они психологически безусловно прогрессивнѣе нѣкоторыхъ «демократовъ». Прямо поражаетъ, что кирилловцамъ - монархистамъ ясно, что правящій классъ въ Россіи «давно жилъ въ мірѣ фикцій» и что «народныя массы въ Россіи еще не ищутъ царя». Убѣдительно звучитъ въ сборникѣ младороссовъ разочарованіе въ ихъ собственныхъ идеинопротавшихся отцахъ, боязнь лирически истлѣть въ бездѣйственной эмигрантской тоскѣ по родинѣ и многое другое, свидѣтельствующее о томъ, что младоросскость не мертвая, отвлеченная выдумка, но живой путь наиболѣе живыхъ представителей отмирающаго социальнаго слоя къ новой, религіозно-углубленной жизни и новому национальному творчеству.

Къ сожалѣнію, однако эта психологическая свѣжесть младоросскихъ переживаній настолько загромождена въ ихъ писаніяхъ нежизненными идеологическими построеніями, что, право, младороссамъ приходится пенять только на самихъ себя, если тема ихъ опыта будетъ заподозриваться въ вымышленности, несерьезности и неподлинности.

Причина этой загроможденности въ нетерпѣнія, въ неудержимой жаждѣ какъ можно скорѣе смастерить дѣеспособное, религіозно-нравственное и социально-политическое міросозерцаніе, съ которымъ, какъ съ походнымъ алтаремъ и съ походнымъ пивомомъ можно было бы завтра же выступить въ путь-дорогу. Только этимъ кануннымъ настроеніемъ объясняется, какъ мнѣ кажется, ужъ очень неладный покровъ

младоросскаго міросозерцанія, спитато на живую нитку изъ обрѣзковъ Хомякова и Достоевскаго, Муссолини и евразійцевъ, Льва Тихомирова и А. Блока.

На детальной критикѣ этого міросозерцанія я останавливаться не буду. Надѣюсь, что авторы сборника со временемъ сами тщательнo продумають свои несерьезныя мысли и поймутъ, что право по существу не реакціонно, что сущность народничества вовсе не въ подсчетѣ голосовъ, что аписемитизмъ никакъ не можетъ быть полезенъ для національнаго русскаго дѣла и т. д., и т. д. Неинтересенъ и поверхностенъ также и младорусскій зачатъ противъ демократической Европы и всеевропейскаго мѣшанства. Всѣ эти мысли были въ свое время съ такой глубиной и такимъ блескомъ высказаны и славянофиломъ Кирѣевскимъ и западникомъ Герценомъ, что повторять ихъ сейчасъ врядъ ли возможно, а если и возможно, то только въ какой-то совершенно новой тональности. Этой тональности младороссы не нашли, и потому весь ихъ патетическій запаль распадается прахомъ. Критиковать демократическую Европу намъ, русскимъ, конечно, можно и нужно, но, критикуя и отрицая ее, надо помнить и то, что она представляетъ собою трагическій срывъ одного изъ величайшихъ замысловъ исторіи (замысла о религиозной свободѣ творческою четовѣка) и, во-вторыхъ, то, что трагедія по своей метафизической сущности не готъко грѣхъ и неудача, но и высшая форма жизни и творчества. Думаю, что намъ, живущимъ волею судьбы сейчасъ въ Европѣ, надо бы понемногу освобождаться отъ туристическаго верхоглядства. Право, Европа и сейчасъ, если и не «страна святыхъ чудесъ», то все же страна, въ которой все время обыденкой совершаются незамѣтныя чудеса воли и сознательности. И стабилизация франка во Франціи, и честный республиканизмъ Гинденбурга, и чехословацкіе сокола, и пожарные, держачіе въ страхѣ коммунистовъ, и библиотечныя книжки нѣмецкихъ социаль-демократическихъ рабочихъ, изъ которыхъ явствуетъ, что Геге, Шиллеръ и Толстой читаются усерднѣе, чѣмъ Марксъ, Достоевскій и Горькій — усерднѣе, чѣмъ Эпельсъ, а Ленинъ не усерднѣе, чѣмъ Ницше и Шекспиръ. — все это вещи, къ которымъ необходимо подходить въ большой задумчивости. Но, повторяю, разбираться въ идеологіи неомонархизма мнѣ не представляется необходимымъ. Гораздо важнѣе всѣхъ мервящихъ эту идеологію недодуманностей тѣ болѣе глубокия внутреннія опасности, которыя имѣются у младороссовъ. Наиболѣе серьезными изъ этихъ опасностей я считаю, во-первыхъ, — подмѣну религиознаго чувства эросомъ національной тоски и, во-вторыхъ, — нѣкую романтическую мечтательность.

«Наступленіе Пасхи ежегодно будитъ во мнѣ острую и жгучую тоску по родинѣ. подобная тоска могла бы доводить меня до самой черной меланхолии, если бы не выручала младоросскость... Пасхальная ночь стала для меня символомъ скорби изнанника и крѣпкой надежды младоросса». Я до конца ощущаю національный эросъ этихъ словъ, но все же думаю, что спасеніе отъ грѣха «черной тоски» православный младороссъ долженъ искать не въ младоросскости, а въ Христѣ.

Но тутъ у младороссовъ та же психологически весьма понятная невязка, что и у евразійцевъ, только наивнѣе, душевнѣе. Слово русскій они во всѣхъ сочетаніяхъ пишутъ съ большой буквы, а православный, церковный, церковь — съ маленькой. И такъ они не только пишутъ, такъ они и чувствуютъ. Характерная и показательная мелочь А Казамъ-Бекъ говоритъ о томъ «жуткомъ волненіи», съ которымъ вся Россія готовилась къ Пасхальной ночи. Мнѣ кажется, что слово «жуткое» въ примѣненіи къ русской пасхальной ночи не вѣрно и не точно, ибо всѣ жуткія чувства связаны съ силами демоническими, т. е. съ силами враждебными церкви. Еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ приведенное мѣсто смущаетъ меня своею эмоціональною окрашенностью другое. Рѣчь идетъ о «Царѣ-мученикѣ, который своею кровью приобщился къ искупительной жертвѣ своего народа», и этимъ спаявъ царскую идею съ идеей народной. Тутъ же авторомъ изображается и эта спайка: «національная іерархія наша будетъ убивана Царемъ не в силу какихъ либо конституціонныхъ договоровъ Договоръ Царя съ народомъ будетъ не юридическимъ, а духовнымъ Новый русскій монархизмъ зарождается въ области психологіи, а не законодательства и т. д., и т. д.» Читаю, и не понимаю, какъ можно, да еще монархисту такъ беззаботно заливатьсѣ мечтательной славянофильской трелью надъ свѣжею кровью своего монарха, столь страшно поплатившагося за свою запоздалую вѣрность романтической теоріи и правѣ вѣрныя права, о любви внѣ закона и конституцій въ предѣлахъ психологіи. Мнѣ кажется, что во имя крови, пролитой послѣднимъ царемъ, русскимъ монархистамъ надлежало бы писать о будущей Россіи и будущемъ царѣ съ тою степенью духовной сосредоточенности и нравственной трезвости, что въ корнѣ убиваетъ безпочвенную вдумку и мечтательный туманъ. Тою и другого у младороссовъ еще очень много.

Ф. Степунъ..

B. Mirkine-Guetzevitch, La Théorie Générale de l'Etat Soviétique. Paris, 1928.

Книгѣ Б. С. Миркина-Гецевича «Общая теорія совѣтскаго государства» предпослано краткое предисловіе выдающагося французскаго публициста Гастона Жэза. Въ этомъ предисловіи проф. Жэзъ сочувственно отмѣчаетъ методъ, которымъ написана работа: — авторъ «стоитъ исключительно на точкѣ зрѣнія юридической техники; онъ отвлекся отъ политическаго взгляда на проблему; онъ не обличаетъ дѣяній совѣтскаго режима; тѣмъ менѣе онъ ихъ превозноситъ. Онъ констатируетъ механизмъ и его описываетъ».

И самъ авторъ настойчиво подчеркиваетъ, какъ своеобразную черту работы, — ея формальный методъ. Онъ видитъ преимущество метода «юридической техники» въ томъ, что имъ «устраняется политическая и моральная оцѣнка людей и мѣропріятіи коммунистической диктатуры». Не-политическимъ методомъ авторъ хочетъ вѣрнѣе достичь политической цѣли, — всѣмъ вѣсомъ и авторитетомъ безпри-